

УДК 903(571.51)

Культурно-хронологические комплексы палеометалла и средневековья стоянки Итомиура в Северном Приангарье

П. В. Мандрыка

Сибирский федеральный университет

П. О. Сенотрусова

Сибирский федеральный университет

Аннотация. Представлены результаты исследования стоянки, расположенной в среднем течении р. Муры (Северное Приангарье). Благодаря незначительной мощности и слабой насыщенности культурных слоев зафиксированы площадки разных культурно-хронологических комплексов. Полученные материалы позволили проследить изменение материальной культуры и керамических комплексов на протяжении бронзового, раннего железного веков и средневековья. Применение методов сравнительного анализа и полученные абсолютные даты позволяют установить хронологическую и культурную принадлежность изученных комплексов, определяют их место в древней и средневековой истории Северного Приангарья.

Ключевые слова: Северное Приангарье, бронзовый век, ранний железный век, средневековье, датировка, хронология, культурная принадлежность, керамика.

Введение

Абсолютное большинство исследованных поселенческих и погребальных комплексов Северного Приангарья расположено на береговых террасах основного русла р. Ангары, а изучение памятников, размещенных на ее притоках, находится в своей начальной стадии [Стоянка им. Генералова ... , 2014]. Проведение полевых широкомасштабных стационарных исследований на археологических памятниках в таежных глубинках осложнено в силу труднодоступности и залесенности этих территорий. Тем не менее изучение таких объектов имеет определенные преимущества по сравнению с поселениями, расположенными на берегах крупного водотока. Для последних характерна компрессия культурных отложений и, как следствие, значительная концентрация археологического материала, что приводит к смешению в одном культурном слое разновременных и разнокультурных находок. Причиной этого являются условия почвообразования и особенности накопления культурных остатков на береговых террасах, на которых систематически устраивались кратковременные стойбища и по которым проходили пути (дороги) охотников и рыболовов. На ряде ангарских памятников (у Проспихинской Шиверы, возле пос. Ангарский, на Скородумском Быке и др.) авторами

было замечено, что в пределах ровной поверхности террасы повышенная концентрация разновременных археологических материалов отмечается у ее края, а с отступлением вглубь террасы (до 250 м) число находок в слое снижается и они чаще дислоцируются скоплениями.

Стояночные комплексы, расположенные на берегах небольших притоков, вдали от Ангары, характеризуются слоями с менее интенсивным накоплением культурных остатков, что позволяет фиксировать на них локальное размещение культурно-хронологических комплексов в пределах осваиваемой территории. Одним из таких памятников является стоянка Итомиура, расположенная в среднем течении р. Муры, в 36 км выше ее устья (рис. 1). В 2013 г. на памятнике двумя раскопами вскрыта значительная площадь – 12 800 м², что позволило изучить отдельные культурно-хронологические комплексы, дислоцирующиеся на разных участках.

В настоящей статье рассмотрены комплексы эпох палеометалла и средневековья. Их размещение на общем плане изученной площади позволяет отметить дислокацию разновременных стоябищ на местности (рис. 2).

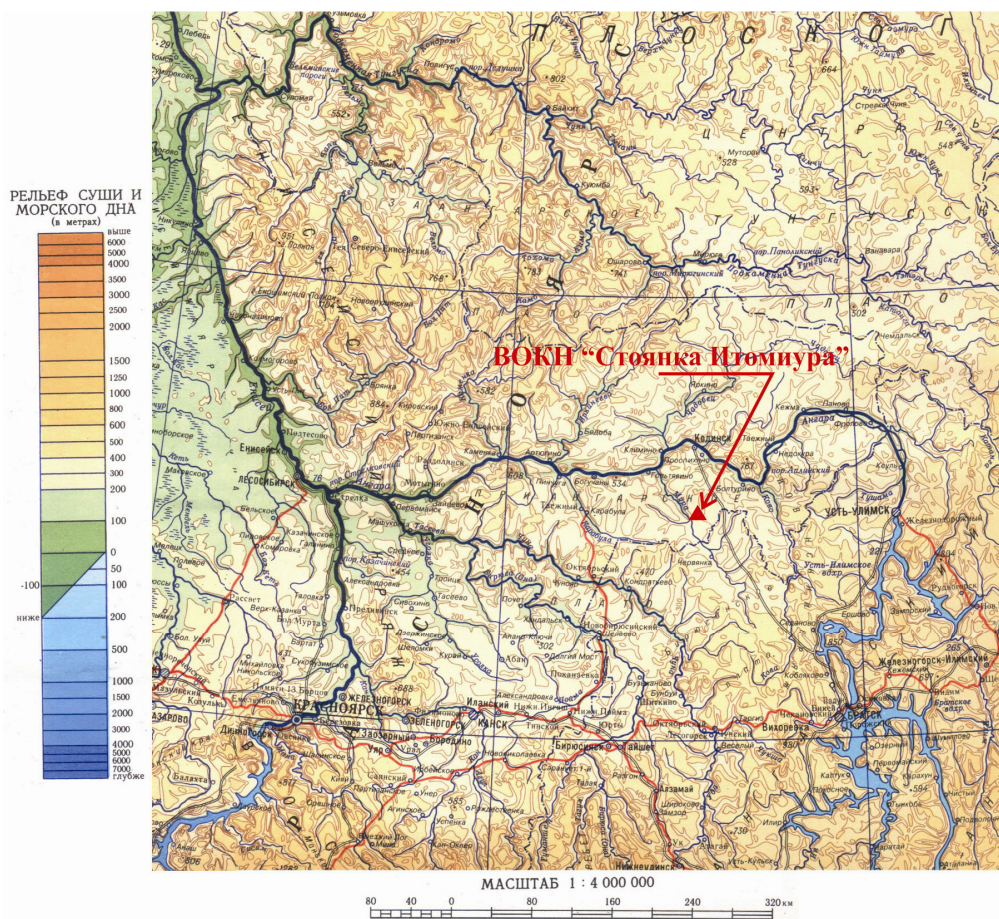

Рис. 1. Карта с указанием места расположения стоянки Итомиура

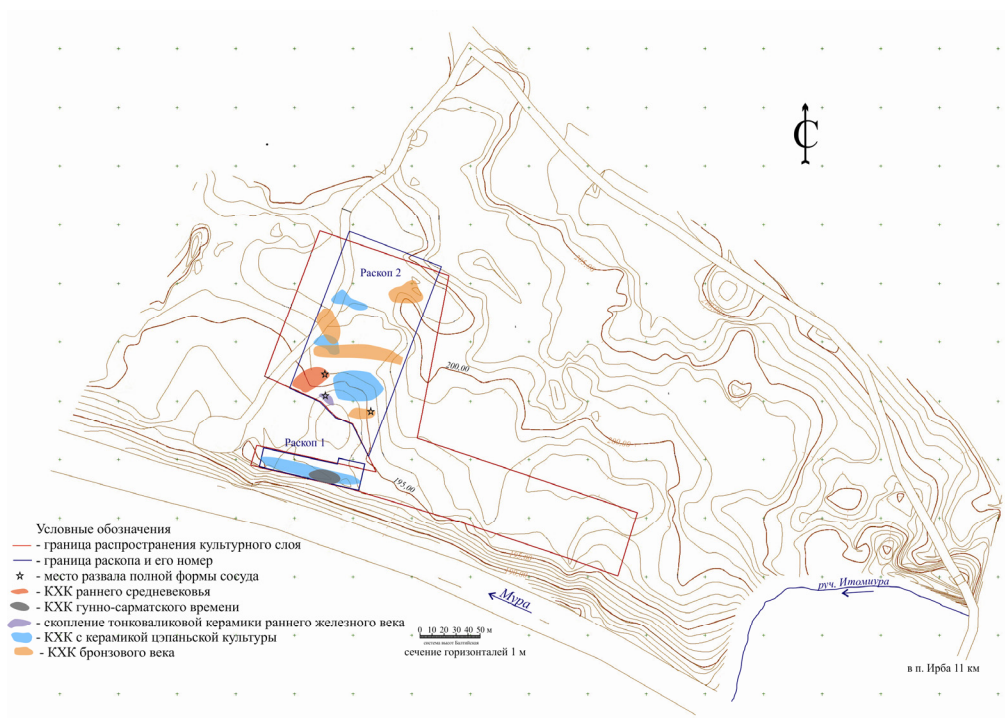

Рис. 2. Стоянка Итомиура. Планиграфия культурно-хронологических комплексов на вскрытых площадях

Материалы

Стоянка Итомиура находится на правом берегу р. Муры в 1,5 км выше устья р. Итомпура, в 0,5 км северо-западнее устья руч. Итомиура и в 8,8 км северо-восточнее с. Ирба Кежемского района. Стоянка занимает участки поверхности грив и ложбин первой, второй и третьей надпойменных террас правого берега р. Муры, высотой соответственно до 6, 9 и 14 м. Переход одной террасы в другую не ступенчатый, выражен относительно резкими подъемами. Экспозиция террас южная, ориентированы они субмеридианально – с северо-запада на юго-восток, сложены эоловыми и пойменными отложениями. Распространение культурного слоя вдоль реки составляет 330 м, вглубь берега – до 220 м. Поверхность первой террасы покрыта смешанной древесной и кустарниковой растительностью. На поверхностях второй и третьей террас произрастает хвойный лес с дерново-ягельной подстилкой.

Рекогносцировочными работами выявлено два участка распространения культурного слоя, которые отделены друг от друга заболоченной поверхностью и территорией, где археологический материал отсутствует. Один участок освоения приурочен к поверхности первой надпойменной террасы и локализуется у ее кромки, вдоль реки. Второй – дислоцируется на второй и третьей террасах, в глубине леса, в 50–220 м от русла реки.

Участок на первой надпойменной террасе был изучен на площади 1254 м² раскопом № 1. Вскрыта поверхность вдоль края террасы, где выявлено два культурных слоя. Первый слой приурочен к слою поддерновой супеси, имеющей в верхней части темно-серый цвет, а в нижней – светло-серый. Переход между толщами слоя плавный и размытый. Средняя мощность толщ 0,1–0,2 м. Верхний уровень слоя обозначен как 1А, нижний – как 1Б. Слои распространялись полосой вдоль края террасы на ширине 8–15 м. К уровню А приурочена металлургическая площадка гунно-сарматского времени, к уровню Б – комплексы раннего железного и бронзового веков. Под ними залегала почва из слоистой серой супеси, которая в восточной части раскопа переходила в суглинок, а в северо-восточном углу раскопа – в бурую супесь. Ниже, на глубине от 0,5 до 0,7 м от современной поверхности, прослеживался слой погребенного чернозема, мощностью от 0,02 до 0,2 м. По мере удаления вглубь террасы слой уменьшался в мощности и начинал прерываться. В юго-восточной части раскопа в этой почве фиксировался археологический материал 2-го культурного слоя. Находки приурочены к кровле погребенной почвы, залегали на глубине 0,5–0,6 м и представляют культурно-хронологический комплекс неолита.

Поверхности второй и третьей террасы изучены одним раскопом № 2 площадью 12 400 м². Выявлен и изучен один культурный слой. Он залегал на глубине 0,1–0,3 м и был приурочен к поддерновой темно-серой супеси и бурому песку. Мощность культурного слоя не более 0,2 м. Он плотный, отличается от нижележащего слоя цветом и составом, перекрывая серые «материковые» пески и дресву. Для слоя характерна невысокая концентрация материала, который залегал преимущественно скоплениями на одной глубине. В каждом скоплении находки типологически однородны, что позволяет рассматривать их как самостоятельные стойбища, оставленные в ходе единовременного посещения территории. Материалы относятся к разным культурно-хронологическим комплексам, датированным от неолита до средних веков.

Средневековый археологический культурно-хронологический комплекс представляет скопление материалов в юго-западном углу раскопа № 2. Здесь находки залегали по краю второй надпойменной (10–11-метровой) террасы р. Муры в 60 м от берега. Маркируют комплекс фрагменты керамики устьковинского типа (рис. 3). В скоплении отмечены четыре горшка закрытой формы с невысокой шейкой, узкой налепной лентой или валиком-«карнизом» по краю. Под венчиком расположены налепы, орнаментированные гладкими прямыми оттисками, образующими иногда «елочный» мотив. Тулово сосудов украшено обмазочными валиками. Вместе с черепками зафиксировано несколько необработанных камней со следами сработанности. На этой же площадке обнаружен раздавленный круглодонный горшок (№ 27) закрытой формы без выделенной шейки (рис. 3, 3). Снаружи он украшен тонкими валиками, покрывающими всю поверхность параллельными арками. Прямой венчик украшен наклонными насечками, а в трех точках окружности горловины оформлен овальными выступами с тремя ямками, напоминающими личины. Внутренняя поверхность стенок имеет толстый слой нагара. Отдельные разрозненные фрагменты керамики с тонковаликовой орнаментацией, относящиеся к этому комплексу, зафиксированы в разных точках раскопа в глубине террасы.

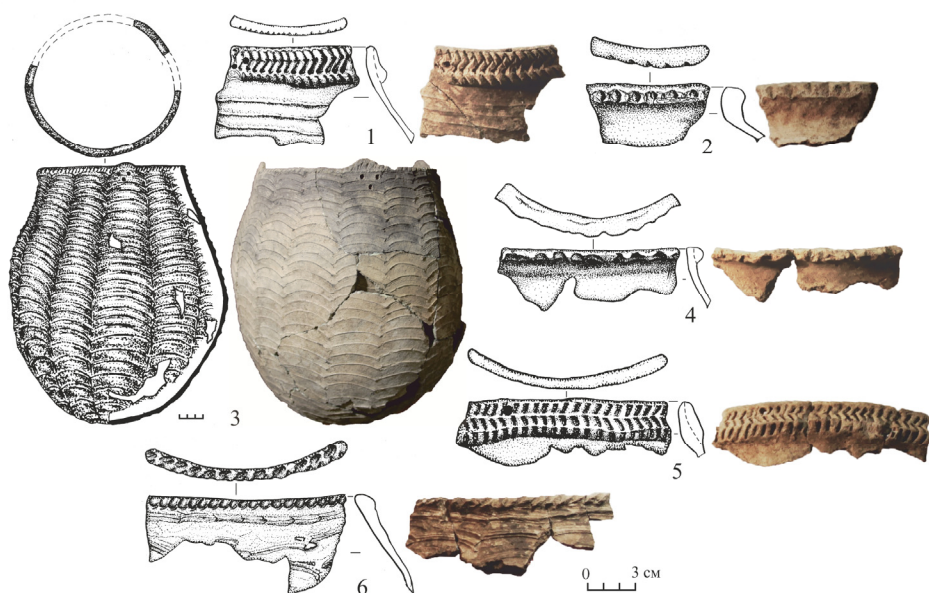

Рис. 3. Стоянка Итомиура. Керамика усть-ковинского типа

Комплекс гунно-сарматского времени представлен металлургической площадкой, которая изучена на первой надпойменной террасе возле реки. Горн углубленного типа с кубовидной камерой и двумя фурмовыми проходами, расположенными с противоположных сторон печи, расчищен возле края террасы. Кроме пятен прокаленной почвы, с печью связаны находки кусков обожженной глины, обломков термически расколотых камней, железных шлаков и железной пластины – кузнечной заготовки (рис. 4, 4) [Мандрыка, Сенотрусова, 2013]. Другие предметы, отмеченные на уровне слоя (одиночные фрагменты керамики с налепными рассеченными валиками, небольшой черешковый железный нож с прямой спинкой и плавным лезвийным уступом, треугольный черешковый наконечник стрелы, вырезанный из железной пластины и небольшой обломок острия железного ножа) (рис. 4), также могут относиться к данному комплексу, но связывать их с металлургической площадкой нет прямых оснований.

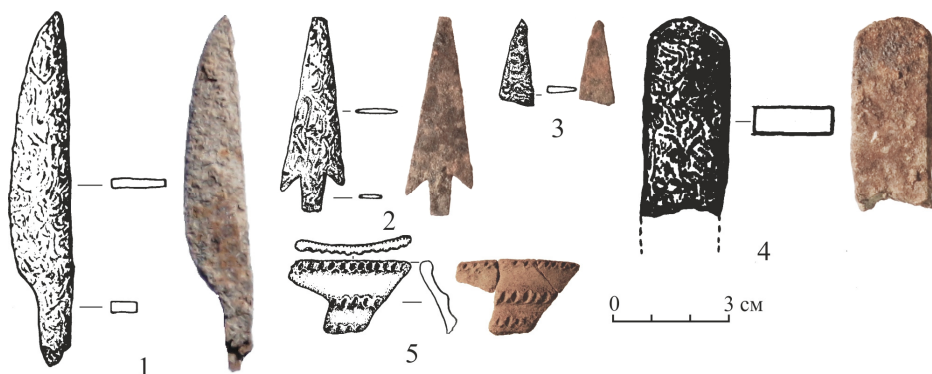

Рис. 4. Стоянка Итомиура. Материалы гунно-сарматского времени

Наиболее интенсивное посещение территории, изученной раскопами, происходило в период финальной бронзы и в начале раннего железного века. Отмечено четыре площадки концентрации материала, расположенные на разновысотных отметках: вдоль кромки первой надпойменной террасы, на склоне перехода первой террасы на вторую, на поверхности второй террасы и на краю третьей террасы. Площадки размещались как возле водного потока, так и в 50, 70 и 100 м от него. На них найдены фрагменты от сосудов, обломки песчаников, гальки и грубые каменные сколы. Маркером комплексов являются профилированные сосуды с наlepной лентой по краю и орнаментом из оттисков зубчатого штампа, пальцевых зашипов и ямок. Подобные сосуды часто выделяют в карабульский тип [Макаров, 2013, с. 162]. Несмотря на наличие указанных типопределяющих признаков, на посуде из разных скоплений наблюдаются вариации в орнаменте и некоторые формы не сопоставляются с эталонными образцами керамики карабульского типа.

На первой площадке, в скоплении по краю береговой террасы (раскоп № 1), преобладают сосуды, которые украшались преимущественно оттисками гребенчатого штампа (рис. 4). Они наносились рядами, зигзагом, группами из трех отпечатков, покрывая зоны наlepных лент, шейки и плечиков сосудов. Венчик при этом оформлялся пальцевыми зашипами, а на шейку наносился ряд ямок. Выделяется один сосуд, на котором пальцевыми зашипами оформлена нижняя кромка широкой наlepной ленты, а ямки в поясе нанесены парами (рис. 5, 1). К этому же комплексу стоит отнести обломок лезвия бронзового ножа и каменную цилиндрическую бусину, зафиксированные в слое (рис. 5, 6, 7). В остеологическую коллекцию комплекса входят обломки трубчатых костей, фрагменты челюсти и зубы травоядных парнокопытных животных.

На второй площадке, на склоне между первой и второй надпойменными террасами, в южной части раскопа № 2, в скоплении материала преобладают сосуды, у которых кромка лент сверху и снизу оформлялась пальцевыми зашипами, а поле между ними оставалось гладким (рис. 6, 5, 7, 8). При этом плечики сосудов украшают горизонтальные ряды наклонно поставленной гребенки и орнамент дополняется поясом из парных ямок. Выделяется четыре сосуда, развалы которых размещались друг возле друга. По подвенечным наlepным лентам этих форм проходит линия из отступающих оттисков прямоугольной лопаточки (рис. 6, 10–12). Имеется один сосуд, в орнаментации которого присутствуют только следы пальцев в виде зашипов, отпечатков подушечек и кончиков с ногтем (рис. 6, 6). В этом же скоплении отмечены два сосуда закрытой формы без выраженной шейки, украшенные под венчиком горизонтально расположенными жгутиковыми валиками с рассечением пальцевыми зашипами (рис. 6, 2, 3). Здесь же обнаружен археологически целый горшок (№ 12) закрытой формы с профилированной шейкой (рис. 6, 1). Венчик украшен широкими округлыми оттисками. С внешнего борта под краем проходит ряд отпечатков вертикально поставленного овального штампа. Остальная поверхность стенок сосуда до дна орнаментирована горизонтальными тонкими волнистыми валиками.

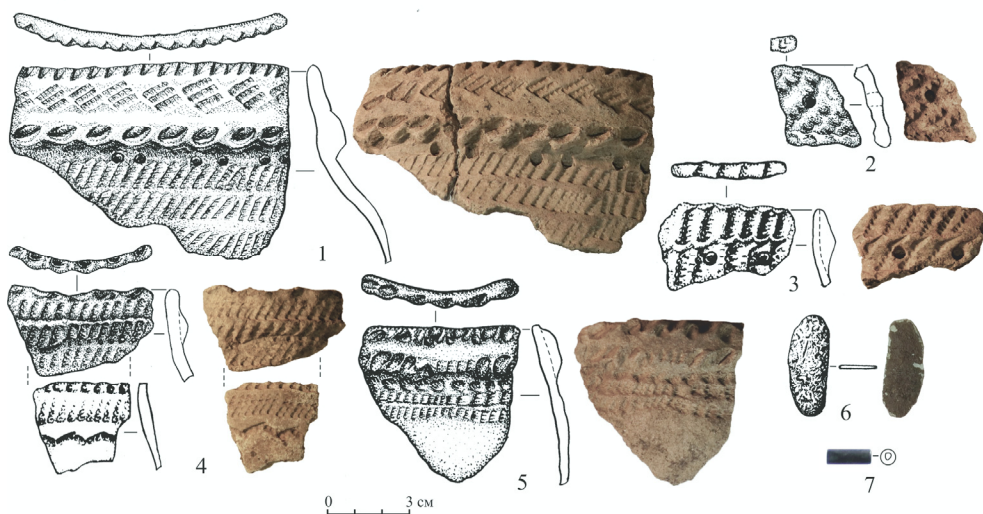

Рис. 5. Стоянка Итомиура. Материал конца бронзового – начала железного века с площадки на первой террасе

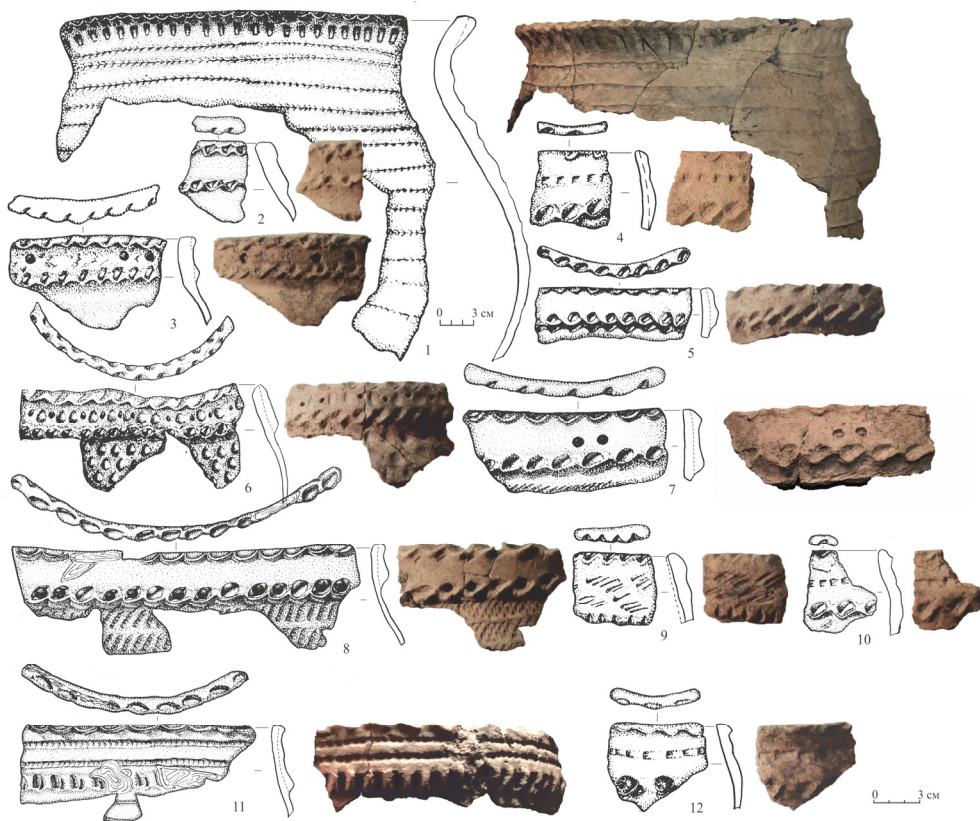

Рис. 6. Стоянка Итомиура. Керамика конца бронзового – начала раннего железного века с площадки между первой и второй террасами

Третья площадка со скоплением материала конца бронзового – начала железного века менее насыщена находками. Они локализованы в западной части раскопа № 2 на небольшом мысовидном выступе второй террасы. В скоплении преобладают сосуды, обрез края которых украшен линиями из зубчатых оттисков, а наклепная лента – одним или двумя горизонтальными рядами оттисков такой же гребенки, дополненными поясом из парных ямок (рис. 7). Здесь же встречены фрагменты сосудов классического карабульского типа, в орнаменте которых сочетаются пальцевые защипы по краям наклепной ленты и ряды наклонно поставленных оттисков зубчатого штампа, дополненные поясом ямок (рис. 7, 3).

Рис. 7. Стоянка Итомиура. Керамика конца бронзового – начала железного века с площадки на второй террасе

Четвертая площадка со скоплением материала этого времени зафиксирована на краю третьей террасы, в центральной части раскопа № 2. Здесь преобладают сосуды с неширокой наклепной лентой под краем, который оформлялся насечками зубчатого штампа. По ленте наносились горизонтальные ряды гребенки или зигзагообразная линия (рис. 8). В скоплении встречены фрагменты сосуда-дымокура с прямоугольным лепным ушком, по которому фиксируются наклепные рассеченные валики (рис. 8, 2а, 2б).

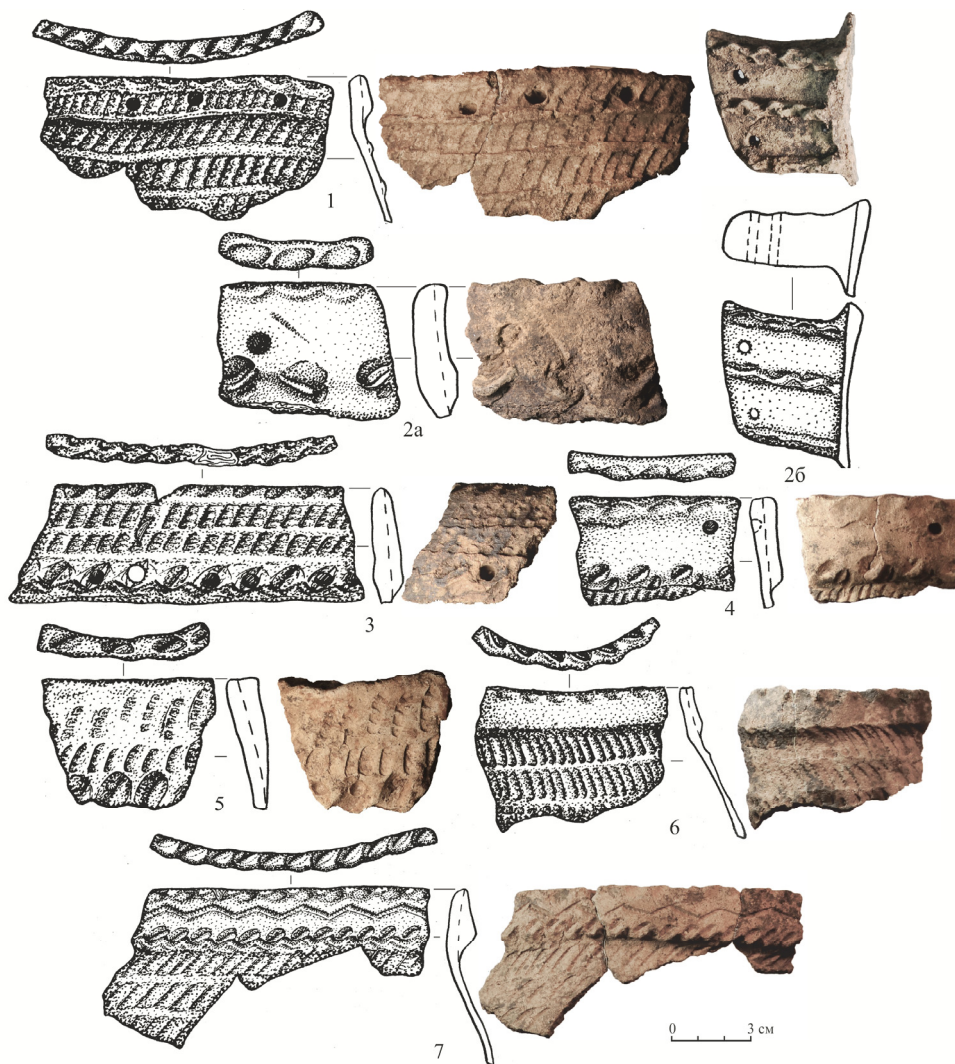

Рис. 8. Стоянка Итомиура. Керамика конца бронзового – начала железного века с площадки на третьей террасе

Площадки следующей группы культурно-хронологических комплексов, относящихся к бронзовому веку, размещались вдали от воды, они выявлены на раскопе № 2. Их объединяют сосуды закрытой формы без выделенной шейки с рубчатыми оттисками на поверхности (13 экз.). Венчики в сечении приостренные, округлые или прямые. Под краем с внешней стороны располагается горизонтальный ряд «жемчужин», иногда чередующихся с ямками. Стенки сосудов декорированы приостренными наколами, округлыми штампами, выстроенными в горизонтальные, вертикальные ряды, а также в горизонтальные и вертикальные зигзаги. На обресе края часто присутствуют наклонные линии, нанесенные гладким орнаментом.

На пологом склоне второй террасы в пределах одной, условно выделяемой, площадки в юго-восточном углу раскопа найдены фрагменты от трех сосудов. Один из них зафиксирован развалом полной формы (рис. 9, 2). Сосуд (№ 14) – параболоидной формы. Венчик приостренный, под ним расположен ряд «жемчужин». На тулово сосуда, поверх рубчатых оттисков от выбивки, вертикально спускаются параллельные зигзагообразные ряды округлых наколов. Сюжет можно интерпретировать как изображения змей. Он встречен, в частности, на керамике бронзового века Прибайкалья [Горюнова, Новиков, 2009, рис. 5, 6]. На склоне найдены черепки еще двух сосудов этого типа (рис. 9, 1), залегающих совместно с сетчатой неолитической керамикой. Здесь же зафиксировано большое количество изделий из камня и отходов первичного расщепления, но они не могут быть надежно связаны с тем или иным культурно-хронологическим комплексом.

Наиболее многочисленное скопление керамики этого типа (рис. 10, 1, 2) отмечено на площадке, которая занимает практически всю поверхность второй террасы, в пределах изученной площади. Вместе с рубчатой керамикой здесь отмечены фрагменты сосудов закрытой формы с гладкой поверхностью стенок (один из них – № 39). Подвенечная зона последних украшалась горизонтальными рядами наклонных насечек или прочерченных линий, дополненных поясом «жемчужин». Венчики, так же как и сосуды, покрытые рубчатыми оттисками, украшены насечками (рис. 10, 4–8). Вместе с керамикой зафиксировано залегание большого количества каменных отщепов, сколов, пластинок, обломков песчаника. Орудия представлены несколькими двухсторонне ретушированными вкладышами прямоугольной, трапециевидной и сегментовидной формы.

На поверхности третьей террасы в рассеянном скоплении материала зафиксированы фрагменты еще от трех сосудов культурно-хронологического комплекса бронзового века. Выделяется фрагмент с «насыщенной» орнаментацией в подвенечной зоне, где горизонтальные ряды наколов дополнены прочерченной полосой с поясом «жемчужин» (рис. 10, 9). Вместе с ней никаких находок из камня не отмечено.

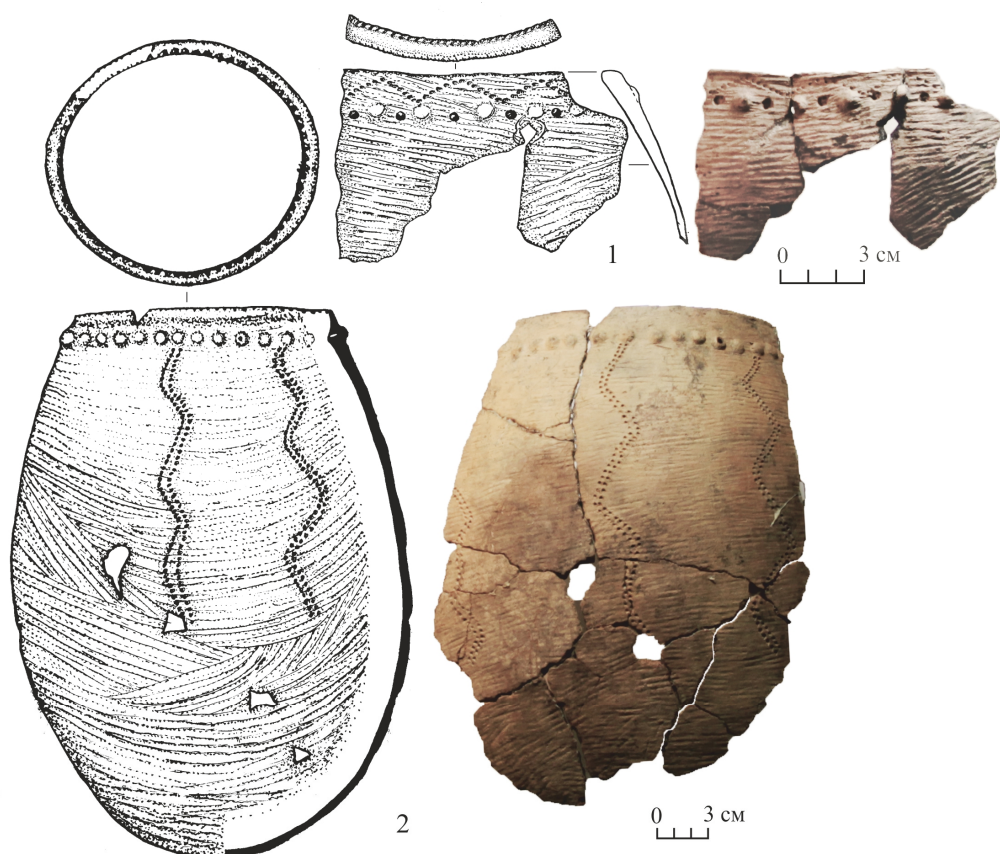

Рис. 9. Стоянка Итомиура. Керамика бронзового века с площадки на склоне второй террасы

Обсуждение

Датировка и культурная принадлежность средневекового комплекса определяется по керамике усть-ковинского типа, которая широко представлена в материалах Нижнего Приангарья и характерна для второй половины I тыс. н. э. [Мандрыка, Бирюлева, 2012; Бирюлева, 2013, с. 84]. Аналогичные сосуды зафиксированы в двух средневековых погребениях, совершенных по обряду трупосожжения на стороне, выявленных на стоянке Усть-Ката 2 [Амзараков, 2013, с. 203]. Практически идентичный сосуд был найден на стоянке Сергушкин-3 и отнесен авторами раскопок к эпохе средневековья [Герман, Леонтьев, 2013б, с. 66]. По углю из черного гумуса, заполнявшего сосуд № 27 со стоянки Итомиура, получена радиоуглеродная дата 1310 ± 55 л. н. (СОАН-8951). Ее калибровка по второй сигме показывает, что использование сосуда в качестве дымокура происходило в интервале второй половины VII – конца IX в. н. э.

Рис. 10. Стоянка Итомиура. Керамика бронзового века с площадок на второй (1–8) и третьей (9) террасах

Вопрос о культурной принадлежности железоплавильщиков, оставивших металлургическую печь на краю террасы р. Муры, пока оставим открытым. Датировка печи проведена по древесному углю из заполнения камеры. Полученная радиоуглеродная дата – 1660 ± 70 л. н. (СОАН-8950) – показывает вероятный возраст сооружения по второй сигме в пределах III–VI вв. н. э. Следует отметить особенности этой печи – углубленная конструкция, кубо-

видная форма камеры из глиняных стенок, наличие двух сопел для нагнетания воздуха мехами, их размещение с противоположных сторон. Именно эти конструктивные детали отличают ее от известных горнов раннего железного века и средневековья с памятников Северного Приангарья. Кубовидная печь со стенками из вертикально поставленных камней была расчищена в первом слое стоянки Усть-Карабула [Макаров, 2013, рис. 9, с. 143].

Датировка и культурная принадлежность четырех площадок финальной бронзы и начала железного века определяется абсолютными датами и керамикой, украшенной оттисками гребенки, пальцевыми защипами и ямочными вдавлениями. Из представленных материалов видно, что часть сосудов украшена в стиле «классического» карабульского типа (название дано по материалам третьего горизонта эпонимной стоянки Усть-Карабула на Ангаре) [Баташев, Макаров, 2000; Макаров, Быкова, 2011; Макаров, 2013, рис. 16–18], которые соответствуют «классическому» цэпаньскому облику [Привалихин, 2011]. Вопрос о вариативности такой керамики уже рассматривался исследователями [Леонтьев, Герман, 2013], которые связали изменения в сочетании элементов орнамента с этапами развития керамической традиции. Отмеченная авторами редукция оформления орнаментом верхней части сосудов, выраженная в отсутствии здесь как орнаментации, так и налепной ленты, объясняется ими угасанием со временем традиции «насыщенной» орнаментации. Однако материалы других памятников из района показывают обратную тенденцию, направленную не на упрощение, а на усложнение орнамента на такой посуде со временем.

Орнамент на керамике, нанесенный только пальцами рук, широко распространен в лесостепных и южнотаежных районах Средней Сибири. На среднем Енисее он отмечен на посуде из жилищ и многослойных памятников, которые продатированы на основании аналогий по вещам и радиоуглеродных дат концом бронзового века. На такой керамике отмечаются защипы, отпечатки подушечек и кончиков пальцев с ногтем, которые фиксируются по венчику, в подвенечной части сосудов, на утолщении края и налепных лентах, а также на плечиках. Данный тип керамики мы обозначаем как заостровский и связываем с шепилевской культурой XI–VIII вв. до н. э. [Мандрыка, Коваленко, 1996, рис. 2; Мандрыка, 2005; Абдулина, Мандрыка, 2007; Титова, 2011]. С ними можно сопоставить сосуд из погребения № 1 могильника Шумилиха (в устье р. Белой, Южное Приангарье), которое датируется шиверским периодом [Горюнова, Смотров, 1981, с. 27, рис. 2, 2].

Использование гребенчатого штампа при орнаментации посуды в древней истории Средней Сибири и Северного Приангарья начинается с неолитической эпохи и, возможно, связано с появлением и распространением керамики усть-бельского типа [Герман, Леонтьев, 2013а]. Самые поздние даты слоев с усть-бельской керамикой получены с памятников Прибайкалья и среднего Енисея [Бердников, Бердникова, 2007, с. 56] – около 4 тыс. лет (некалиброванный возраст). Можно допустить, что традиция гребенчатой орнаментации сохранилась у каких-то племен бронзового века за пределами Енисейско-Ангарского региона и в финальный период бронзового века опять по-

является на этой территории, принимая участие в формировании новой традиции цэпаньского комплекса. В южной тайге среднего Енисея применение зубчатого штампа при орнаментации керамики возобновляется в конце бронзового века, а во время переходного периода от бронзового века к железному он используется наряду с пальцевыми зажимами. Примером служат находки керамики, схожей с карабульской, вместе с нижнепорожинской посудой в жилище № 5 селища Шилка-ХП/2. Образец угля из очага этого жилища дал радиоуглеродную дату 2580 ± 60 л. н. (СОАН-5934). Она указывает на то, что истинный календарный возраст дерева, использовавшегося в качестве топлива очага, лежит в пределах между 823 и 550 гг. до н. э. по первой сигме или между 891 и 413 гг. до н. э. по второй сигме [Мандрыка, Жарников, 2008].

Указанные факты позволяют предположить время начала формирования орнаментального мотива карабульского типа с конца бронзового века, а функционирование площадок с такой керамикой на стоянке Итомиура определить в интервале финальной бронзы – начала железного века, т. е. в пределах IX–V вв. до н. э. Не противоречит предложенной датировке и присутствие на второй площадке вместе с керамикой карабульского типа сосудов с наклепными рассеченными валиками. Такая посуда часто встречается в слоях раннего железного века на памятниках южнотаежной зоны среднего Енисея и Ангары [Мандрыка, 2011]. Совместное залегание керамики данных типов отмечается на ряде памятников района: в хозяйственной яме на стоянке Парта [Савин, 2010, рис. 1, 5; Ольшанецкая, 2012, с. 148], в третьем горизонте стоянки Усть-Карабула [Макаров, 2013, рис. 15], во втором слое комплекса Проспихинская Шивера-IV (раскопки авторов 2009–2011 гг.) и др. По древесному углю, отобранному из горшка № 12 (с обмазочными волнистыми валиками) стоянки Итомиура, получена радиоуглеродная дата – 2495 ± 70 л. н. (СОАН-8948), которая определила вероятный интервал времени функционирования сосуда в качестве дымокура в календарном возрасте по второй сигме в пределах VIII–V вв. до н. э.

Присутствие на стоянке Итомиура керамики разных типов, а также вариативность орнамента на посуде, сопоставимой с карабульским типом, могут быть связаны с периодическим посещением этой местности разными группами людей. Вполне допустимо, что некоторые коллективы могли пользоваться посудой с разным орнаментом, используя ее в разных целях. Кроме этого, вариативность керамики цэпаньского облика, возможно, демонстрирует разные хронологические варианты одной орнаментальной традиции, бытовавшей в Северном Приангарье у разных гончаров, в том числе и у представителей цэпаньской культуры.

Датировку и культурную принадлежность следующей группы площадок также определяет керамическая посуда. Рубчатая керамика с поясом «жемчужин» и орнаментом из наколов широко представлена в материалах Прибайкалья, Северного Приангарья и лесостепной зоны среднего Енисея. В Северном Приангарье она известна на стоянках Окуневка, Чадобец, Гора Кутарей, Капонир, Парта, Усть-Карабула, Абакан-18, Сергушкин-3 и др. [Адамов, Данилов, Турова, 2011, рис. 1; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988,

табл. LXXV; Результаты полевых исследований ... , 2011, с. 378; Марченко, Гришин, Гаркуша, 2010, с. 562; Савин, 2010, с. 583, рис. 6–10; Макаров, 2013, с. 160; Герман, Леонтьев, 2013б, с. 61] и на селищах Ручей Конный-3 и Усть-Верея-2 [Савин, Солодская, Ольшанецкая, 2011, с. 466; Савин, Солодская, Груздева, 2012, с. 485]. Авторы раскопок ангарских поселений датируют сосуды этого типа поздним бронзовым веком [Результаты полевых исследований ... , 2011, с. 378; Амзараков, 2013, с. 204]. Известна подобная керамика и в ряде погребений Северного Приангарья, относимых к бронзовому веку [Дударёк, Лохов, 2014, с. 67]. Один из рубчатых сосудов обнаружен на стоянке Усть-Ёдарма II в зольнике, расположенном возле погребения бронзового века. Для погребения получена радиоуглеродная дата – 3590 ± 55 л. н. (СОАН-8457) [Дударёк, Лохов, 2012, с. 90]. Под Красноярском рубчатая керамика с «жемчужником» также характеризует отдельные периоды бронзового века [Максименков, 1961; Мандрыка, 2001]. Для сосуда (№ 14) с изображением «змей» из слоя стоянки Итомиура имеется дата 3275 ± 45 л. н. (СОАН-8952). Она указывает на календарный возраст по второй сигме в пределах середины XVII – середины XV вв. до н. э. Близкая датировка – 3085 ± 60 л. н. (СОАН-8949) – получена по древесному углю из внутреннего заполнения сосуда № 39 (рис. 10, 7), стенки которого не выколачивались рубчатой колотушкой. Калиброванный возраст этой даты по второй сигме укладывается в рамки середины XV – конца XIII в. до н. э.

В материалах Прибайкалья посуда, украшенная жемчужинами и оттисками отступающей лопаточки, характерна для глазковской археологической культуры [Хлобыстин, 1964, с. 31; Хлобыстин, 1987, с. 330–331; Хлобыстин, 1996, с. 271]. Для этого района датировка глазковских комплексов определяется в пределах 5200–4000 л. н. (кал. возраст) [Вебер, Горюнова, 2005, с. 188; Харинский, Емельянова, Рыков, 2009, с. 122]. Для северо-западного побережья Байкала гладкостенная керамика глазковского типа соотносится с поздним бронзовым веком и датируется концом II – серединой I тыс. до н. э. [Харинский, Емельянова, Рыков, 2009, с. 126]. На территорию Якутии носители традиции изготовления подобной керамики проникают во II тыс. до н. э., что приводит к формированию улахан-сегеленняхской культуры, существовавшей в пределах 1900 ± 400 – 1350 ± 350 лет до н. э. (некал. интервал) [Дьяконов, 2012, с. 114]. Вероятно, для нижнего течения Ангары время бытования подобной керамики также следует пока ограничить рамками II тыс. до н. э. Оснований для омоложения этой даты до начала I тыс. до н. э., как считают некоторые исследователи [Привалихин, 2009, с. 304], пока нет.

Заключение

Исследование стоянки Итомиура большими площадями позволило выделить несколько площадок, содержащих разновременные культурные комплексы и указывающих на периодическое посещение людьми этой территории в разные этапы древности и средневековья. Вероятно, люди сезонно посещали этот сухой возвышенный берег реки, устраивая здесь кратковременные стойбища. Важно отметить, что в разные периоды проходило освоение

разных участков леса в пределах сухой местности. При этом наличие водного потока в непосредственной близости от места стоянки было необязательным.

Стоит обратить внимание на находки археологически полных форм сосудов на стойбище, т. е. поселении открытого типа. Их целостность можно объяснить несколькими причинами: 1) размещением в стороне от площадки интенсивного освоения – на периферии стойбища (на склоне второй террасы, на неровном и менее удобном месте); 2) размещением в укромном месте стойбища (возле дерева, пня, ствола упавшего дерева, выворота корня и т. п. – возле преград, которые, как правило, обходятся человеком и животными в лесу); 3) использованием в качестве стационарных дымокуров (они устанавливались между сухой гривой, где устраивалось стойбище, и заболоченным участком и поймой таежной реки, где плодятся кровососущие насекомые); 4) устройством специальной защиты, каких-либо загоронок. Поставленный в пониженной части площадки освоения дымокур «работает» эффективнее, так как дым, поднимаясь вверх, стелется по гриве. К тому же устройство стационарных дымокуров из сосудов не требовало их переноса по тайге. Они могли использоваться десятилетиями, а информация о месте их размещения – передаваться из поколения в поколение.

Выявленные на памятнике культурно-хронологические комплексы палеометалла и раннего средневековья приурочены преимущественно к ровным площадкам на первой, второй и третьей надпойменных террасах таежной речки.

Список литературы

Абдулина Ю. А. Новое поселение позднего бронзового века в южной тайге Среднего Енисея / Ю. А. Абдулина, П. В. Мандрыка // Изв. лаборатории древних технологий. – 2007. – Вып. 5. – С. 168–174.

Адамов А. А. Результаты полевых работ на стоянке Окуневка (Северное Приангарье) / А. А. Адамов, П. Г. Данилов, Н. П. Турова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17. – С. 350–353.

Амзараков П. Б. Предварительные итоги археологических раскопок памятников Усть-Ката 1 и Усть-Ката 2 в зоне затопления водохранилища Богучанской ГЭС / П. Б. Амзараков // Науч. обозрение Саяно-Алтая. Сер. Археология. – 2013. – № 1. – С. 200–205.

Баташев М. С. Культурогенез таежных народов Нижнего Енисея / М. С. Баташев, Н. П. Макаров. – Красноярск: ООО Кросторгтрей LTD, 2000. – 36 с.

Бердников И. М. Усть-Бельская керамика: проблемы, характеристика, хронология / И. М. Бердников, Н. Е. Бердникова // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. – Иркутск : Оттиск, 2007. – Т. 1. – С. 51–58.

Бирюлева К. В. Морфологический анализ тонковаликовой керамики поселения Проспихинская Шивера-IV / К. В. Бирюлева // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2013. – Вып. VI. – С. 75–85.

Васильевский Р. С. Археологические памятники Северного Приангарья / Р. С. Васильевский, В. В. Бурилов, Н. И. Дроздов. – Новосибирск : Наука, 1988. – 244 с.

Вебер А. В. Хронология могильника Курма-11 (озеро Байкал) по археологическим и радиоуглеродным данным / А. В. Вебер, О. И. Горюнова // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. – Вып. 3. – С. 186–190.

Герман П. В. Комплекс археологических материалов с усть-бельской керамикой стоянки Сергушкин- I, пункт «А» / П. В. Герман, С. Н. Леонтьев // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013а. – № 1(2). – С. 133–155.

Герман П. В. Многослойные стоянки острова Сергушкин (краткие результаты полевых исследований 2009–2011 гг.) / П. В. Герман, С. Н. Леонтьев // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск : КККМ, 2013б. – С. 57–72.

Горюнова О. И. Погребальные комплексы могильника Шумилиха (Анализ материалов и датировка погребений) / О. И. Горюнова, В. И. Смотрова // Бронзовый век Приангарья. Могильник Шумилиха. – Иркутск : Иркут. ун-т, 1981. – С. 17–28.

Горюнова О. И. Антропоморфная, зооморфная и солярная символика на сосудах бронзового века Прибайкалья / О. И. Горюнова, А. Г. Новиков // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 4. – С. 76–82.

Дударёк С. П. Погребальные комплексы бронзового века Северного Приангарья. Вопросы хронологии и культурной принадлежности / С. П. Дударёк, Д. Н. Лохов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 7. – С. 54–80.

Дударёк С. П. Погребение бронзового века с многослойного местонахождения Усть-Ёдарма II в Северном Приангарье / С. П. Дударёк, Д. Н. Лохов // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы. – Новосибирск : НГУ, ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 89–90.

Дьяконов В. М. Керамика улахан-сегеленняхской культуры бронзового века Якутии / В. М. Дьяконов // Археология, этнография и антропология Евразии. – № 4. – 2012. – С. 106–115.

Леонтьев С. Н. Керамика раннего железного века стоянки Сергушкин I / С. Н. Леонтьев, П. В. Герман // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2013. – Вып. 6. – С. 58–67.

Макаров Н. П. Керамика карабульского типа / Н. П. Макаров, М. В. Быкова // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2011. – Вып. 2. – С. 227–231.

Макаров Н. П. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья / Н. П. Макаров // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск : КККМ, 2013. – С. 130–175.

Максименков Г. А. Новые данные по археологии района Красноярска / Г. А. Максименков // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1961. – С. 43–46.

Мандрыка П. В. Керамика средневекового поселения Проспихинская Шивера-I / П. В. Мандрыка, К. В. Бирюлева // Древности Приенисейской Сибири : сб. науч. тр. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2012. – Вып. 5. – С. 50–61.

Мандрыка П. В. Комплексное исследование грота Дачный в Караулинском карстовом районе / П. В. Мандрыка // География на службе науки, практики и образования : материалы VII науч.-практ. и метод. конф., посвящ. 100-летию Краснояр. отдела РГО, г. Красноярск, 26–28 апр. 2001 г. – Красноярск, РИО КГПУ, 2001. – С. 62–65.

Мандрыка П. В. Материалы многослойного поселения Шилка-9 на Среднем Енисее и их значение для древней истории южной тайги Средней Сибири / П. В. Мандрыка // Изв. Лаборатории древних технологий. – 2005. – Вып. 3. – С. 172–185.

Мандрыка П. В. Новое селище в енисейской тайге / П. В. Мандрыка, З. Ю. Жарников // Изв. лаборатории древних технологий. – 2008. – Вып. 6. – С. 92–100.

Мандрыка П. В. Поселение Шепилево – памятник позднего бронзового века в подтаежной зоне Среднего Енисея / П. В. Мандрыка, Л. В. Коваленко // Древности Приенисейской Сибири. – 1996. – Вып. 1. – С. 121–138.

Мандрыка П. В. Производственная металлургическая площадка стоянки Итомиура в Северном Приангарье / П. В. Мандрыка, П. О. Сенотрусова // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2013. – Т. 1. – С. 214–220.

Мандрыка П. В. Тонковаликовая керамика раннего железного века из южнотайской зоны среднего Енисея / П. В. Мандрыка // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 3. – С. 118–126.

Марченко Ж. В. Работы 1-го и 2-го Пашинских отрядов в 2010 году (Кежемский район Красноярского края) / Ж. В. Марченко, А. Е. Гришин, Ю. Н. Гаркуша // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 559–562.

Ольшанецкая В. Е. Керамика раннего железного века стоянки Парта (Северное Приангарье) / В. Е. Ольшанецкая // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы. – Новосибирск : НГУ, ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 148–150.

Привалихин В. И. Погребения бронзового века стоянки и могильника Сергушкин-3 на Нижней Ангаре (зона затопления Богучанской ГЭС) / В. И. Привалихин // Енисейская провинция. Альманах. – Красноярск : КККМ, 2009. – Вып. 4. – С. 300–310.

Привалихин В. И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований / В. И. Привалихин // Второй век подвижничества. – Красноярск : КККМ, 2011. – С. 161–185.

Результаты полевых исследований стоянки Гора Кутарей в Северном Приангарье / А. В. Выборнов, Ю. А. Васильева, Д. В. Корытина, Ю. С. Михайлова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 18. – С. 377–380.

Савин А. Н. Результаты исследования поселения ручей Конный-3 в 2011 году / А. Н. Савин, О. В. Солодская, В. Е. Ольшанецкая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17. – С. 463–468.

Савин А. Н. Исследование поселенческого комплекса Усть-Верей-2 в 2012 году / А. Н. Савин, О. В. Солодская, Е. А. Груздева // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 18. – С. 483–485.

Савин А. Н. Керамика многослойной стоянки Парта / А. Н. Савин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 582–586.

Стоянка им. Генералова (р. Чуна). Результаты охранно-спасательных работ 2013 года / Н. Е. Бердникова, Е. О. Роговской, И. М. Бердников, Е. А. Липнина, Д. Н. Лохов, С. П. Дударёк, Н. Б. Соколова, А. А. Тимошенко, А. А. Попов, Н. В. Харламова // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 7. – С. 150–191.

Титова Ю. А. Специфика составления формовочных масс сосудов шепилевской культуры позднего бронзового века по материалам поселения Заостровка-2 / Ю. А. Титова // Вестн. КрасГАУ. – 2011. – № 12. – С. 252–256.

Харинский А. В. Северо-Западное побережье озера Байкал в бронзовом веке: по материалам стоянок / А. В. Харинский, Ю. А. Емельянова, Г. К. Рыков // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2009. – Вып. 7. – С. 86–132.

Хлобыстин Л. П. Бронзовый век Восточной Сибири / Л. П. Хлобыстин // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М. : Наука, 1987. – С. 327–344.

Хлобыстин Л. П. Восточная Сибирь и Дальний Восток / Л. П. Хлобыстин // Археология. Неолит Северной Евразии. – М. : Наука, 1996. – С. 270–329.

Хлобыстин Л. П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале (по материалам раскопок Б. Э. Петри) / Л. П. Хлобыстин // КСИА. – 1964. – № 97. – С. 25–32.

Cultural and Chronological Complexes of the Site Itomiura of the Paleometal and the Middle Ages in the Northern Angara Region

P. V. Mandryka, P. O. Senotrusova

Abstract. We reviewed the materials that were obtained during the excavation of the Itomiura site, located in the middle flow of the small river Mura (Northern Angara region). Excavation area was more than 12 thousand square meters. Due to the peculiarities of soil's accumulation, low power and low saturation of cultural layers, we fixed the platforms of various cultural and historical complexes. The Materials allowed distinguishing the types of ceramics and sets of things that were used by ancient people during the period of each visit to the site. The comparison of the complexes was able to trace the changes of the material culture and, in particular, ceramics during the Bronze Age, Iron Age and Middle Ages. It is noted that in different periods of Antiquity and the Middle Age the various parts of the forest within a single dry hill were developed. The presence of the river in immediate vicinity of the site was optional. In the summer for protecting against mosquitoes the inhabitants used stationary smudge that was made of ordinary vessels. The using of comparative analysis' methods and obtaining absolute dates allowed establishing chronological framework and cultural belonging systems, to determine its place in the ancient and medieval history of Northern Angara region.

Keywords: Northern Angara region, Bronze Age, Early Iron Age, the Middle Ages, dating, chronology, cultural belonging, ceramics.

Мандрыка Павел Владимирович

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий лабораторией археологии,
этнографии и истории Сибири,
Гуманитарный институт
Сибирский федеральный университет
660041, Россия, г. Красноярск,
пр-т Свободный, 79
e-mail: pmandryka@yandex.ru

Mandryka Pavel Vladimirovich

Candidate of Sciences (History),
Associate Professor,
Head of Laboratory Archaeology,
Ethnography and History of Siberia,
Institute of Humanities
Siberian Federal University
79, Svobodnyi pr., Krasnoyarsk,
Russia, 660041
e-mail: pmandryka@yandex.ru

Сенотрусова Полина Олеговна

кандидат исторических наук,
заведующая сектором археологии,
этнографии и истории Сибири
Гуманитарного института
Сибирский федеральный университет
660041, Россия, г. Красноярск,
пр-т Свободный, 79
e-mail: polllina1987@rambler.ru

Senotrusova Polina Olegovna

Candidate of Sciences (History),
Head of Sector Archeology,
Ethnography and History of Siberia
Humanities Institute
Siberian Federal University
79, Svobodnyi pr., Krasnoyarsk,
Russia, 660041
e-mail: polllina1987@rambler.ru